

DOI: 10.19181/demis.2022.2.2.7

EDN: ESNIMJ

МЕЖДУНАРОДНАЯ МИГРАЦИЯ В РОССИЙСКОЙ АРКТИКЕ: МАСШТАБЫ, СТРУКТУРА И ВЛИЯНИЕ ПАНДЕМИИ

Смирнов А. В.

*Институт социально-экономических и энергетических проблем Севера ФИЦ
Коми НЦ УрО РАН, Сыктывкар, Россия*

E-mail: av.smirnov.ru@gmail.com

Лыткина У. В.

*Институт языка, литературы и истории ФИЦ Коми НЦ УрО РАН,
Сыктывкар, Россия*

E-mail: ulytkina@yandex.ru

Для цитирования: Смирнов А. В., Лыткина У. В. Международная миграция в российской Арктике: масштабы, структура и влияние пандемии // ДЕМИС. Демографические исследования. 2022. Т. 2. № 2. С. 90–106. DOI: <https://doi.org/10.19181/demis.2022.2.2.7>. EDN: ESNIMJ.

Аннотация. Рассматривается международная миграция в российской Арктике. Масштабная добывающая промышленность, сложная история заселения и освоения, пространственные и климатические особенности оказывают большое влияние на миграционные процессы в условиях Арктики. Цель исследования: оценить масштабы и структуру международного миграционного движения в арктических территориях, а также выявить их изменения, вызванные пандемией коронавирусной инфекции COVID-19. Анализ основывается на итогах переписей населения, данных региональной и муниципальной статистики, а также информации из цифровых баз данных о заболеваемости коронавирусом и миграции. Оценены масштабы международной миграции в арктических регионах в XX – начале XXI века. Генезисный состав населения показал, что значение международной миграции особенно велико для арктических территорий Западной Сибири. Выявлены изменения в миграционной подвижности населения под влиянием пандемии. Анализ половозрастного состава мигрантов и основных миграционных потоков показал, что в 2020 г. в российской Арктике интенсивность международного движения, в отличие от других видов миграции, сократилась несущественно, а в самых удаленных частях она даже увеличилась. Муниципальная статистика позволила выявить наиболее привлекательные направления для международной миграции до и во время пандемии. По итогам 2021 г. ожидается большее сокращение показателей международной миграционной подвижности в основном в результате снижения числа выъездов. Полученные результаты могут использоваться для разработки мер социально-демографической политики и построения прогнозов развития арктических территорий. Будущие исследования должны быть направлены на изучение долгосрочных последствий пандемии для международной миграции населения.

Ключевые слова: международная миграция, иностранные работники, вахтовая занятость, пандемия, российская Арктика.

Введение

Численность населения российской Арктики сокращается уже на протяжении трех десятилетий, несмотря на важность этого макрорегиона как источника природных ресурсов, морского транспортного коридора и на накопленный в арктических поселениях уникальный опыт освоения отдаленных территорий в экстремальных природно-климатических условиях. В связи с длительным миграционным оттоком населения Арктики в другие регионы страны [1] важным источником пополнения человеческого потенциала арктических регионов становится международная миграция.

Пандемия инфекции COVID-19 коронавируса SARS-CoV-2 стала главным фактором глобальных демографических изменений в 2020–2021 гг. В мире она унесла миллионы жизней, привела к закрытию границ, сокращению миграционных перемещений, экономическому спаду [2]. Изучение влияния пандемии на миграционные процессы в Арктике представляет особый интерес, поскольку арктические социумы особенно уязвимы к эпидемиям из-за концентрации населения в изолированных территориях, высокой миграционной подвижности и распространенности ряда хронических заболеваний [3].

Объект данного исследования – Арктическая зона Российской Федерации, включающая на начало 2021 г. 75 городских округов и муниципальных районов в девяти северных субъектах Российской Федерации. Статья ответит на три вопроса: (1) В чем специфика международной миграции в Арктике? (2) Каковы масштабы и структура международной миграции, включая вахтовую, в российской Арктике? (3) Как изменились международные миграционные потоки в связи с пандемией в 2020–2021 гг.?

Международная миграция в условиях Арктики

Арктическая зона Российской Федерации или российская Арктика – это макро-регион, нормативно определенный в 2014 г. После ряда расширений он включает все муниципальные образования России, примыкающие к Северному Ледовитому океану и почти все из находящихся за Северным полярным кругом, а также некоторое количество более южных¹. Численность их населения на начало 2021 г. составляет 2,6 млн человек (1,8% от населения России) при вкладе в валовой региональный продукт страны около 6%. Площадь Арктической зоны охватывает примерно 30% от территории России. В российской Арктике очень высока степень урбанизации. Почти 80% жителей проживают в нескольких больших городах и их окрестностях: Архангельск, Мурманск, Апатиты, Норильск, Ноябрьск, Новый Уренгой, Салехард и Воркута [4].

Миграционные процессы в условиях Арктики имеют свою специфику. Возрастает влияние таких факторов миграции территорий, как природно-климатические условия, пространственная удаленность от основных центров расселения, экономическая специализация поселений [5; 6]. Климатом и циклами освоения природных ресурсов обусловлена и ярко выраженная сезонность миграционных процессов в Арктике. В будущем климатические изменения могут привести к дополнительному оттоку населения, в том числе под влиянием оттаивания вечной мерзлоты, создающего риски разрушения объектов инфраструктуры [7; 8].

Можно выделить три группы населения Арктики, имеющие различные паттерны (модели) миграционного поведения. Представители коренных малочисленных народов Севера имеют низкую миграционную подвижность, перемещаются в основном внутри регионов. Старожильческое население, не являющееся представителями малых народов, обычно нацелено на отъезд в более крупные города в центральных или южных регионах страны после учебы или накопления в Арктике ресурсов для переезда. Так, студенческая молодежь Севера и Арктики, меняя место жительства, обращает внимание на слабую развитость инфраструктуры развлечений и недостаточные карьерные перспективы [9, с. 189]. Наконец, есть группа чрезвычайно мобиль-

¹ Федеральный закон от 13.07.2020 № 193-ФЗ «О государственной поддержке предпринимательской деятельности в Арктической зоне Российской Федерации» // Президент России. Официальное интернет-представительство Президента России. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/45677> (дата обращения: 22.01.2022).

ного населения, прибывающего в Арктику на заработки. Благодаря им арктические регионы, в особенности на Дальнем Востоке, лидируют по относительным показателям миграционного оборота.

Различные арктические поселения и районы имеют разные закономерности миграционных процессов. Так, в добывающих районах более позднего освоения в связи с особенностями структуры занятости и тяжелыми условиями труда преобладает миграция мужского населения. Такая миграция обычно носит временный характер [10]. В ресурсных поселениях более раннего освоения (например, Воркута и Инта) силен миграционный отток, в связи с исчерпанием природных ресурсов, снижением спроса на них или ростом производительности труда. Многие арктические поселения потеряли более половины численности за последние 30 лет или даже полностью обезлюдели. Н. Ю. Замятина и А. Н. Пилясов делят нефтедобывающие территории на три группы по возрасту освоения: зоны пионерного освоения, староосвоенные зоны, зоны окружного резерва [11, с. 143]. Чаще всего добывающим поселениям не удается сменить специализацию после спада добычи.

Важная форма пространственной мобильности, распространенная в Арктике – вахтовая миграция [12]. Численность занятых вахтовым методом в некоторых отдельных районах превышает численность постоянного населения. Следует также отметить, что в Арктике расположено много территорий с регламентированным посещением для иностранных граждан. Среди них закрытые административно-территориальные образования (ЗАТО) Северного флота в Мурманской области, часть островов архипелага Новая Земля и Норильск².

Методика и данные

Масштабы международной миграции населения российской Арктики в XX в. рассматривались по косвенным показателям: изменению национального состава и генезисной структуре населения – структуре по месту рождения [13]. Источником данных для этого послужили итоги переписей населения СССР и России 1939–2010 гг.³

Современная динамика и структура международной миграции оценивались по двум источникам. На уровне муниципальных образований – городских округов и муниципальных районов – использовалась База данных показателей муниципальных образований Росстата⁴, содержащая данные в разрезе видов миграции, пола и возраста по арктическим территориям с 2017 г. по 2020 г. Более ранние данные не включают муниципальные образования Чукотского автономного округа (АО).

На уровне регионов анализировались месячные данные из Единой межведомственной информационно-статистической системы (ЕМИСС)⁵ – число прибывших

² Постановление Правительства РФ от 4 июля 1992 г. № 470 «Об утверждении Перечня территорий Российской Федерации с регламентированным посещением для иностранных граждан» (в редакции от 20.12.2019) // Правительство России. Официальный сайт Правительства России. URL: <http://government.ru/docs/all/3403/> (дата обращения: 22.01.2022).

³ Переписи населения Российской Империи, СССР, 15 новых независимых государств // Демоскоп Weekly. Демографический электронный журнал. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/census.php> (дата обращения: 22.01.2022).

⁴ База данных показателей муниципальных образований // Федеральная служба государственной статистики (Росстат). URL: <https://www.gks.ru/dbscripts/munst/> (дата обращения: 22.01.2022).

⁵ Единая межведомственная информационно-статистическая система (ЕМИСС). URL: <https://www.fedstat.ru/> (дата обращения: 22.01.2022).

и выбывших в разрезе регионов и стран прибытия/выбытия. Изучались четыре региона, полностью входящие в Арктическую зону Российской Федерации (Мурманская область, Ненецкий, Ямало-Ненецкий и Чукотский АО), а также Архангельская область, в арктической части которой проживает 61% населения региона. Более детально анализу в статье подвергся Ямало-Ненецкий автономный округ, поскольку по нему доступна наиболее полная статистика о вахтовой занятости⁶.

Для выявления закономерностей протекания пандемии COVID-19 во времени применялся набор данных «Статистика коронавируса и индекса самоизоляции» из сервиса Yandex DataLens⁷, подготовленный с использованием данных Университета Джонса Хопкинса, сайта «СтопКоронавирус.рф» и сервисов Яндекса. Он включает ежедневную информацию о числе заражений и смертей, доле поисковых запросов, связанных с коронавирусом, и индексе самоизоляции с марта 2020 г. Данные, накапливаемые в государственных информационных системах и интернет-платформах, позволяют более оперативно оценивать демографические изменения [14], что особенно важно в условиях пандемии. Информация о транспортных потоках в Арктике получена из открытого набора данных сервиса по продаже билетов «Туту.ру»⁸ за апрель 2019 г.

Масштабы международной миграции в российской Арктике

История освоения Арктики накладывает отпечаток на современные миграционные процессы. До начала XX в. единственным крупным городом в российской Арктике был Архангельск. Он же и был главным центром международной миграции благодаря размеру и специализации, как портовый город и транспортный узел. О масштабах миграции косвенные данные может дать состав населения по переписи 1897 г., согласно которой 2 972 человека в Архангельской губернии указали своей религией не православие. В основном это лютеране (2 015 человек), католики (629) и иудеи (251). Среди родных языков отмечали, в частности, финский (1 276), польский (456), немецкий (309), еврейский (253), норвежский и датский (226). Однако следует учитывать, что Финляндия и Польша тогда входили в состав Российской Империи. Другой крупный портовый город – Мурманск – появился позднее, в 1916 г.

Для создания крупномасштабных добывающих производств и транспортировки природных ресурсов в советский период были основаны обширные сети постоянных поселений, некоторые из них стали большими городами. В 1930–1950-е гг. эта сеть поселений создавалась с применением принудительной миграции. Позже политика была направлена на поощрение «покорителей Севера». Они имели высокие доходы, множество льгот и гарантий, что делало северные и арктические регионы привлекательными.

Позднее, в 1990-е гг. «в связи с падением железного занавеса, распадом СССР, либерализацией всех сфер общественной жизни интенсивность миграционных перемещений существенно возрастает. Наблюдается возвращение соотечественников из стран ближнего зарубежья, в свою очередь нарастает тенденция оттока из России и ее регионов выходцев из стран дальнего зарубежья (немцы, евреи и др.) и бывших

⁶ Основные показатели рынка труда Ямало-Ненецкого автономного округа. – Салехард: Департамент занятости населения Ямало-Ненецкого автономного округа, 2020. – 27 с.

⁷ Коронавирус: дашборд // Yandex DataLens. Система визуализации данных. URL: <https://datalens.yandex/covid19> (дата обращения: 22.01.2022).

⁸ Датасет. Tutu.ru. Сервис путешествий. URL: <https://story.tutu.ru/dataset-tutu-ru-i-dannye-modeli-open-data-science/> (дата обращения: 22.01.2022).

союзных республик» [15, с. 165]. В этот период многие города и поселки обезлюдели или значительно уменьшились в численности – в основном в результате межрегиональной миграции.

В национальном составе арктических регионов преобладали русские, составляющие от 82,0 до 89,4%. Из других национальностей значительный удельный вес имели украинцы (до 8%), белорусы (до 2,2%), ненцы (до 1,5%), татары (до 1,4%) (табл. 1).

Таблица 1.

Национальный состав населения пяти арктических регионов России, 1939–2010 гг., тыс. человек

Table 1.

Ethnic composition of the population of the five Arctic regions of Russia, 1939–2010, thousand people

	1939	1959	1970	1979	1989	2002	2010
Все национальности	1 575,3	1 952,5	2 382,0	2 742,6	3 393,0	2 789,9	2 596,5
в том числе:							
русские	1408,6	1707,1	2074,6	2363,8	2813,0	2346,1	2128,2
украинцы	47,2	85,9	120,9	165,1	271,1	155,7	103,1
ненцы	19,9	19,4	24,0	24,3	28,3	34,9	38,0
татары	10,2	14,5	18,4	25,0	45,6	39,5	36,9
белорусы	15,3	39,8	49,0	57,7	74,4	40,3	24,7
азербайджанцы	0,1	0,6	1,0	2,8	9,2	16,1	15,8
чукчи	12,1	10,0	11,0	11,3	11,9	12,6	12,8
коми	14,4	12,0	14,5	14,7	15,2	14,1	11,4
молдаване	4,3	2,7	4,9	4,7	12,0	8,8	7,1
чуваши	1,3	2,8	4,7	6,4	10,9	8,5	6,8
прочие национальности	41,5	57,5	58,9	66,9	101,2	91,8	92,3
национальность не указана	0,3	0,2	0,0	0,0	0,1	21,4	119,5

Источник: составлено авторами на основе данных переписей населения⁹

Основные районы расселения всех этих национальностей находились внутри Советского Союза, поэтому такие изменения объясняются, прежде всего, внутренней миграцией и естественным движением населения. Остальные национальности не достигали 1%, что говорит об отсутствии масштабного международного прироста из других стран. Исключение – рост численности азербайджанцев после 1979 г.

Генезисная структура населения (табл. 2) показывает, что на 2010 г. 60,3% жителей арктических регионов родились в самом регионе и всего 2,6% – в других регионах Севера России. На остальные субъекты РФ приходится еще 22,5% населения. В других странах родились 11,2% жителей Арктики, подавляющее большинство из них – в странах бывшего СССР. Это значительно больше, чем по стране в целом (7,6%). В Ямало-Ненецком АО доля родившихся за пределами России достигает почти четверти населения. Среди стран преобладают: Украина (5,8% населения арктических регионов), Казахстан (1,4%), Беларусь (1,2%), Азербайджан (0,6%), Республика Молдова (0,5%), Киргизия, Узбекистан (по 0,4%), Таджикистан (0,2%). Из дальнего зарубежья лидирует Германия (0,1%).

⁹ Переписи населения Российской Империи, СССР, 15 новых независимых государств // Демоскоп Weekly. Демографический электронный журнал. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/census.php> (дата обращения: 22.01.2022).

Таблица 2.

Генезисная структура населения арктических регионов, 2010 г.

Table 2.

Genesis structure of the population of the Arctic regions, 2010

Место проживания	Все население	Из них имеют место рождения:					Не указано
		в самом регионе	в других северных регионах	в других регионах России	в странах бывшего СССР	в других странах	
Архангельская область	100,0	81,1	1,5	12,0	4,2	0,1	1,1
Ненецкий АО	100,0	70,9	13,2	9,9	5,7	0,1	0,2
Мурманская область	100,0	49,5	4,2	25,8	12,6	0,2	7,7
Ямало-Ненецкий АО	100,0	30,3	1,3	41,6	24,2	0,2	2,3
Чукотский АО	100,0	35,3	19,5	26,1	14,6	0,2	4,4
Арктические регионы	100,0	60,3	2,6	22,5	11,0	0,2	3,4
Справочно: РФ	100,0	-	-	-	7,6	0,3	3,2

Источник: составлено авторами на основе данных Всероссийской переписи населения 2010 г.¹⁰

В Арктике в сравнении с другими территориями России намного выше процент иностранных граждан, занятых в строительстве и добыче полезных ископаемых (рис. 1), что связано с отраслевой структурой экономики. При этом необходимо понимать, что отрасль строительства в Арктической зоне тоже зачастую связана с созданием инфраструктуры для добычи и транспортировки полезных ископаемых. В Арктике ниже процент занятых в обрабатывающих производствах, сельском и лесном хозяйстве, а также в производстве товаров и услуг для собственного потребления домохозяйств. Несколько отличаются крупные города в западной части российской Арктики. В Архангельской области высока доля мигрантов, занятых в оптовой и розничной торговле. В Чукотском АО преобладают энергетика и добыча. В остальных арктических регионах лидируют строительство и добыча полезных ископаемых.

Прежде чем рассматривать потоки международной миграции в Арктике, проанализируем связанность арктических территорий между собой и с другими частями России. Данные о транспортных потоках 2019 г., собранные цифровой платформой по продаже билетов «Туту.ру», показывают, что арктические территории обладают высокой миграционной подвижностью (табл. 3). Хотя в Арктике проживает 1,8% населения, на них приходится 3,3% перемещений на поездах, 8,9% – на авиатранспорте. Однако внутри Арктики (то есть из одного арктического населенного пункта в другой) перемещались всего 0,24 и 0,33 пассажиров соответственно. Гораздо сильнее арктические территории связаны с городами за пределами Арктики. Так, на Москву приходится 16,5% железнодорожного и 32,8% авиационного пассажиропотока Арктики. Для Санкт-Петербурга эти значения составляют 16,0 и 17,4% соответственно. Среди других неарктических городов высокой транспортной связанностью с Арктикой характеризуются Тюмень, Сыктывкар Уфа, Новосибирск. В условиях низкой связанности территорий Арктической зоны друг с другом большую роль приобретают

¹⁰ Том 1. Численность и размещение населения // Всероссийская перепись населения 2010 / Федеральная служба государственной статистики (Росстат). URL: https://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm (дата обращения: 22.01.2022).

межрегиональная и международная трудовая миграция, способные компенсировать нехватку местных трудовых ресурсов.

Рис. 1. Распределение иностранных работников по видам экономической деятельности, 2017–2019 гг.

Fig. 1. Distribution of foreign workers by type of economic activity, 2017–2019

Источник: составлено авторами на основе данных ЕМИСС¹¹

В российской Арктике наибольший миграционный обмен наблюдается с Украиной, Беларусью, Таджикистаном, Азербайджаном и Киргизией (табл. 4). Если сравнивать со структурой миграций по стране в целом, то в арктических регионах гораздо больше вклад Украины, Беларуси (особенно в Ямало-Ненецком АО) и Азербайджана. Ниже среднероссийского вклад Таджикистана, Казахстана, Армении, Молдовы. Из дальнего зарубежья арктические страны активно обмениваются населением только с Индией (Архангельская область). Украина лидирует во всех арктических регионах. В Мурманской области и Чукотском АО на Украину приходится около половины миграционного обмена, что вдвое выше среднего по России уровня.

¹¹ Численность иностранных граждан, работающих по трудовым договорам и гражданско-правовым договорам, выявленная в результате проверок // Единая межведомственная информационно-статистическая система (ЕМИСС). URL: <https://fedstat.ru/indicator/58170> (дата обращения: 22.01.2022).

Таблица 3.
Транспортные потоки по направлениям перемещений в 2019 г., %

Table 3.

Transport flows by directions, 2019, %

	Авиасообщение		Железнодорожное сообщение	
	Доля направ-лений	Доля переме-щений	Доля направ-лений	Доля переме-щений
Всего	100,00	100,00	100,00	100,00
Внутри Арктики	0,88	0,33	0,48	0,24
Из Арктики в остальную Россию	9,42	4,61	2,89	1,63
Из остальной России в Арктику	8,61	3,99	2,50	1,41
Внутри остальной России	81,09	91,07	94,13	96,73

 Источник: составлено авторами на основе данных датасета «Туту.ру»¹²

 Таблица 4.
Международная миграция в арктических регионах, 2018–2019 гг. по странам исхода, %

Table 4.

International migration in the Arctic regions, 2018–2019 by countries of origin, %

Страна	Россия	Аркти-ческие регионы	Архангель-ская обл. без АО	Ненецкий АО	Мурман-ская обл.	Ямало-Не-нецкий АО	Чукотский АО
Всего	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0
Украина	24,4	39,0	31,8	40,5	47,4	33,5	52,7
Беларусь	2,9	16,5	2,9	7,6	4,6	30,2	12,4
Таджикистан	11,1	8,5	21,4	31,1	2,9	8,5	2,7
Азербайджан	4,6	7,9	8,9	6,0	9,5	6,9	1,3
Киргизия	8,1	7,3	0,4	1,2	12,4	6,0	4,5
Узбекистан	9,7	5,3	8,7	4,8	8,0	2,3	5,9
Казахстан	11,8	4,2	1,7	1,2	4,2	4,5	13,0
Армения	8,8	4,1	3,4	1,5	5,7	3,3	3,4
Молдова	4,8	2,8	1,7	5,1	1,9	3,8	2,2
Индия	1,2	1,5	11,3	0,0	0,0	0,0	0,0
Грузия	1,0	0,3	0,7	0,0	0,2	0,3	0,2
Туркмения	1,9	0,3	1,2	0,0	0,3	0,0	0,0
Турция	0,3	0,2	0,3	0,0	0,4	0,2	0,0
Германия	0,7	0,2	0,5	0,0	0,2	0,1	0,2
Китай	1,8	0,0	0,1	0,0	0,0	0,0	0,0
Вьетнам	0,8	0,0	0,1	0,0	0,0	0,0	0,0
КНДР	0,5	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0
Другие страны	5,4	1,8	4,9	0,9	2,4	0,4	1,7

 Источник: составлено авторами на основе данных Росстата¹³

На протяжении последних девяти лет сальдо международной миграции, в отличие межрегиональной, всегда было положительным (рис. 2) Максимумом число прибывших достигло в 2014 г., а в 2020 г. стало наименьшим. В абсолютном выраже-

¹² Датасет. Tutu.ru. Сервис путешествий. URL: <https://story.tutu.ru/dataset-tutu-ru-i-dannye-modeli-open-data-science/> (дата обращения: 22.01.2022).

¹³ Численность и миграция населения Российской Федерации // Федеральная служба государственной статистики (Росстат). URL: <https://rosstat.gov.ru/compendium/document/13283> (дата обращения: 22.01.2022).

нии за весь период межрегиональная убыль была примерно в пять раз больше, чем международный прирост, вследствие чего итоговая миграция была отрицательной. Более половины международного прироста в этот период приходилось на Ямало-Ненецкий АО и Мурманскую область.

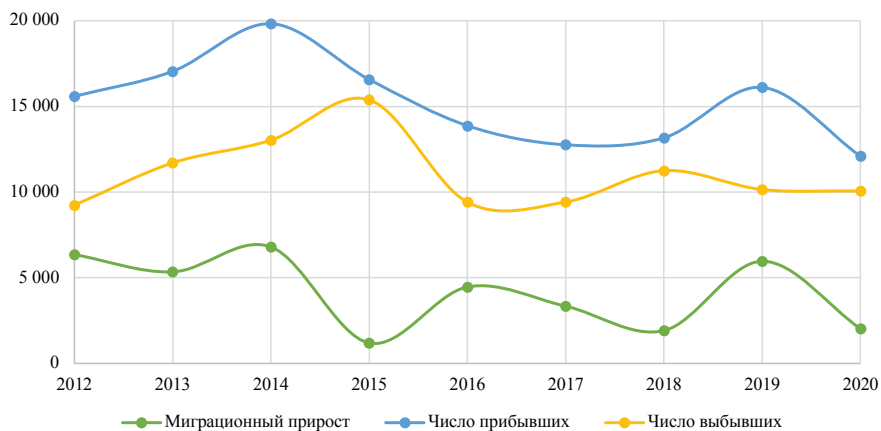

Рис. 2. Показатели международной миграции в российской Арктике, 2012–2020 гг.
Fig. 2. Indicators of international migration in the Russian Arctic, 2012–2020

Источник: составлено авторами на основе данных Росстата¹⁴

Вахтовую миграцию рассмотрим на примере региона, который лидирует в Арктике по использованию вахтовой формы занятости – Ямало-Ненецкого АО. Только в одном вахтовом поселке Сабетта у Карского моря создано более 30 тыс. рабочих мест, а общее число занятых вахтовым методом в регионе составило 100,7 тыс. человек в 2019 г. Из них на иностранных граждан пришлось 6,1 тыс. человек. Привлекались они в основном в добыче полезных ископаемых (2,8 тыс.), прочих видах деятельности (1,7 тыс.) и строительстве (1,2 тыс.). Больше всего иностранных граждан привлекалось в Пуровском и Ямальском районах, в Губкинском и Новом Уренгое. Среди стран, откуда официально привлекаются трудовые ресурсы в Ямало-Ненецкий АО, лидируют Сербия (984 человека), Турция (310), Босния и Герцеговина (28). В предыдущие годы заявлялась потребность в работниках из Китая, Индии, Хорватии, Филиппин и КНДР. По количеству работников лидирует сфера строительства и такие профессии, как монтажник, маляр, сварщик¹⁵.

Влияние пандемии на международную миграцию в российской Арктике

На Россию приходится большая часть смертей и заражений COVID-19 в мировой Арктике. Россия также отстает по темпам вакцинации от всех зарубежных арктических территорий [16; 17]. Однако благодаря более молодому возрастному составу населения, летальность заболевания и избыточная смертность на 1 млн жителей в российской Арктике ниже, чем по России в целом.

¹⁴ База данных показателей муниципальных образований // Федеральная служба государственной статистики (Росстат). URL: <https://www.gks.ru/dbscripts/munst/> (дата обращения: 22.01.2022).

¹⁵ Основные показатели рынка труда Ямало-Ненецкого автономного округа. – Салехард: Департамент занятости населения Ямало-Ненецкого автономного округа, 2020. – 27 с.

Чтобы оценить влияние пандемии на показатели прибытий и выбытий, рассмотрим временные ряды заболеваемости и миграции (рис. 3). График демонстрирует, что характер изменений показателей эмиграции и иммиграции различается. Число прибывших быстрее отреагировало на рост заболеваемости, снизившись с уровня около 1 000 прибытий в месяц до 650 и стабилизировалось. Во время спада заболеваемости весной 2021 г. количество прибытий начало расти, но летом показатель вновь сократился в связи с очередным ростом числа заражений.

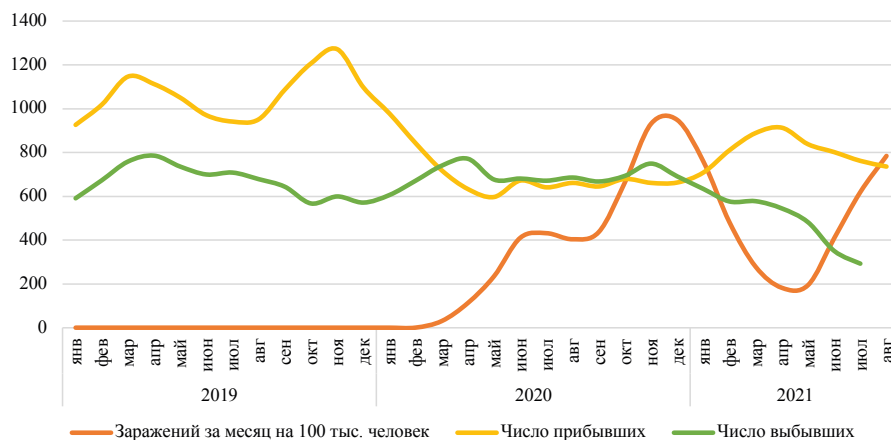

Рис. 3. Динамика показателей заболеваемости и международной миграции в арктических регионах по месяцам (скользящее среднее за три месяца), 2019–2021 гг.
Fig 3. Dynamics of incidence rates and international migration in the Arctic regions by months (moving average for three months), 2019–2021

Источник: составлено авторами на основе данных ЕМИСС¹⁶, Yandex DataLens¹⁷

В то же время число выбытий было на стабильном уровне до конца 2020 г. и начало серьезно сокращаться примерно на год позже, чем число прибытий. Это можно объяснить уменьшением числа людей, снятых с регистрационного учета в 2021 г. вследствие сокращения числа прибывших в 2020 г. Сильнее всего среднемесячная численность прибывших сократилась из Украины – на 148 человек (или на 41% к уровню 2019 г.) и Беларуси – на 93 человека (68%).

Статистика миграции по всей российской Арктике на региональном уровне (табл. 5) показывает, что интенсивность международной миграции в 2020 г. сократилась слабее, чем для миграции в целом (7,9 и 18,3% на 1 000 человек населения соответственно). Причем во многих арктических регионах международная миграционная подвижность даже увеличилась: в Чукотском АО и Якутии – более чем в двое, в Республике Коми – в полтора раза.

¹⁶ Единая межведомственная информационно-статистическая система (ЕМИСС). URL: <https://fedstat.ru> (дата обращения: 22.01.2022).

¹⁷ Коронавирус: дашборд // Yandex DataLens. Система визуализации данных. URL: <https://datalens.yandex/covid19> (дата обращения: 22.01.2022).

Таблица 5.

Изменение миграционной подвижности населения в Арктической зоне РФ в 2020 г. к среднему уровню 2017–2019 гг., %

Table 5.

Change in the migration mobility of the population in the Russian Arctic zone in 2020 to the average level of 2017–2019, %

Территория	Вся миграция	Международная миграция	В том числе	
			со странами СНГ	с другими зарубежными странами
Арктическая зона РФ	-18,3	-7,9	-6,0	-46,9
Чукотский АО	-1,6	136,9	136,3	168,5
Республика Саха (Якутия)	-6,4	113,4	112,8	150,9
Республика Коми	-15,2	56,9	58,2	-33,8
Ненецкий автономный округ	-16,1	19,6	20,0	-6,9
Красноярский край	-11,5	-0,3	-0,2	-16,2
Ямало-Ненецкий АО	-21,2	-15,6	-15,4	-30,9
Республика Карелия	-18,2	-16,0	-13,9	-22,8
Мурманская область	-20,4	-23,4	-24,4	8,4
Архангельская область без АО	-23,3	-25,0	-5,6	-77,4

Источник: составлено авторами на основе данных Росстата¹⁸

На уровне отдельных муниципальных образований, чтобы снизить влияние случайных факторов, рассмотрим изменение миграционного прироста к среднему уровню за пять лет (2015–2019 гг.). Лидеры среди муниципальных образований по увеличению международной подвижности: Усинск, Певек и Воркута; по уменьшению: Мурманск, Губкинский, Надымский район и Архангельск. Подвижность со странами бывшего СССР почти не изменилась, снизившись лишь на 6%, тогда как аналогичный показатель по дальнему зарубежью сократился почти вдвое. Миграционный прирост вырос сильнее всего в Воркуте, Усинске, Анадырском районе, Новом Уренгое, сократился до убыли – в Губкинском, Ловозерском районе, Певеке, Ковдорском районе, Анабарском районе, Эгвекиноте. Однако в большинстве территорий изменения были незначительными (рис. 4).

В 2020 г. изменились цели посещения Арктики иностранцами (табл. 6). В сравнении в 2017–2019 гг. повысился удельный вес въехавших с целью работы (на 10,7 п. п.), а вклад остальных целей снизился. Интересно также и то, что в отличие от российских показателей, почти не снизился удельный вес туризма, который в Арктике в основном приходится на Мурманскую область. В добывающих арктических регионах чрезвычайно высока доля вставших на миграционный учет в целях работы, особенно в азиатской части Арктики. С целью учебы в основном приезжают в Архангельскую область, где есть несколько крупных университетов. Вместе с тем в 2020 г. поток учащихся сократился примерно в 1,5 раза. Это связано с закрытием границ и прекращением авиасообщения в период пандемии как самой Россией, так и другими странами.

¹⁸ База данных показателей муниципальных образований // Федеральная служба государственной статистики (Росстат). URL: <https://www.gks.ru/dbscripts/munst/> (дата обращения: 22.01.2022).

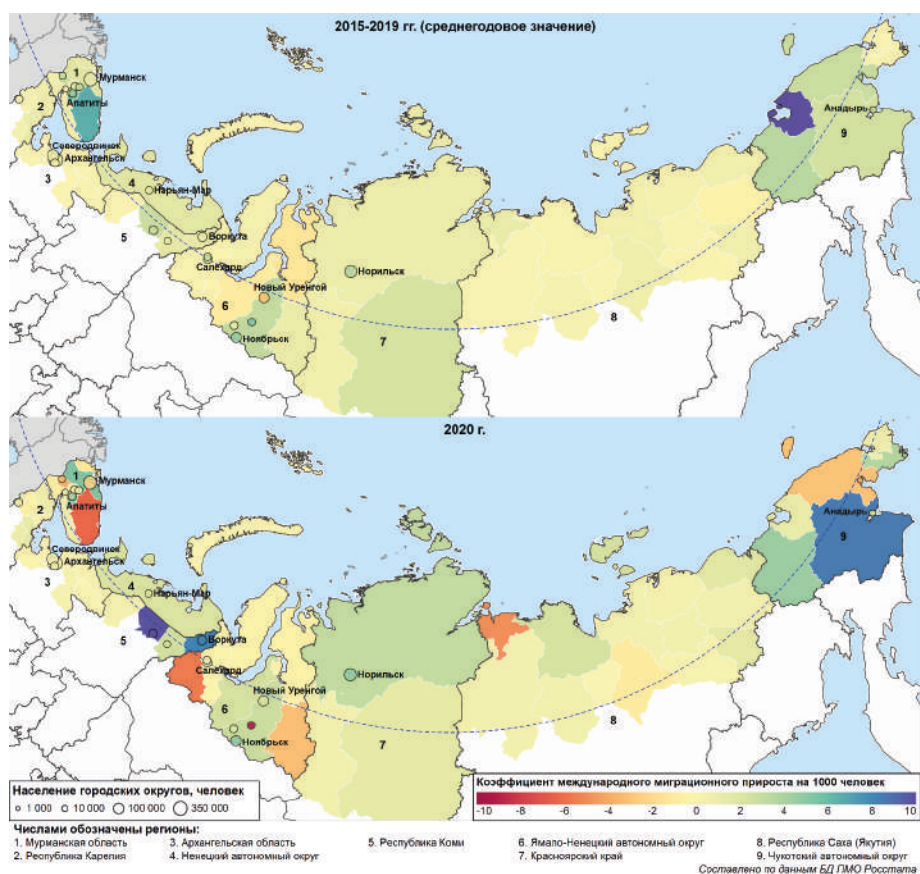

Рис. 4. Международный миграционный прирост (убыль) в российской Арктике на 1 000 человек, 2015–2019 и 2020 гг.

Fig 4. International migration increase (decrease) in the Russian Arctic per 1 000 people, 2015–2019 and 2020

Источник: составлено авторами

Изменения половозрастного состава международных мигрантов рассмотрим на примере девяти муниципальных образований, на которые приходится более трех четвертей международной миграции в российской Арктике: Мурманск, Новый Уренгой, Губкинский, Норильск, Надымский район, Архангельск, Ноябрьск, Воркута, Усинск (рис. 5). Половозрастные пирамиды показывают, что снижение миграции в основном наблюдается среди прибывших мужчин в возрасте от 20 до 59 лет. Эти группы включают, прежде всего, трудовую миграцию из ближнего зарубежья. Среди выбывших заметное сокращение (примерно наполовину) как у мужчин, так и у женщин, фиксируется только в возрастах от 15 до 19 лет. Причины: карантинные мероприятия затруднили перемещения в образовательных целях, многие вузы перешли на дистанционный режим работы. Отсутствие заметных изменений в других возрастных группах можно объяснить малым временным промежутком относительно начала пандемии. В 2021 г., как было показано выше, вероятно серьезное снижение числа выбытий.

Таблица 6.

Распределение мигрантов по целям въезда, 2017–2019 и 2020 гг., %

Table 6.

Distribution of migrants by the purposes of entry, 2017–2019 and 2020, %

	2017–2019 г.				2020 г.			
	туризм	учеба	работа	частная	туризм	учеба	работа	частная
Россия	26,5	4,5	41,8	19,6	9,2	6,3	56,4	20,8
Арктические регионы	25,0	2,8	47,2	12,4	23,4	1,6	57,9	8,5
Архангельская область	15,5	11,1	25,6	21,7	8,5	7,9	46,1	17,4
Ненецкий АО	2,1	0,6	77,1	6,3	2,8	1,6	77,9	11,4
Мурманская область	50,9	2,2	21,7	8,2	37,8	1,4	46,6	4,7
Ямало-Ненецкий АО	0,8	1,0	80,2	14,3	1,8	0,6	80,3	13,2
Чукотский АО	3,5	0,2	79,1	8,3	1,4	0,0	88,1	7,4

Источник: составлено авторами на основе данных МВД России¹⁹

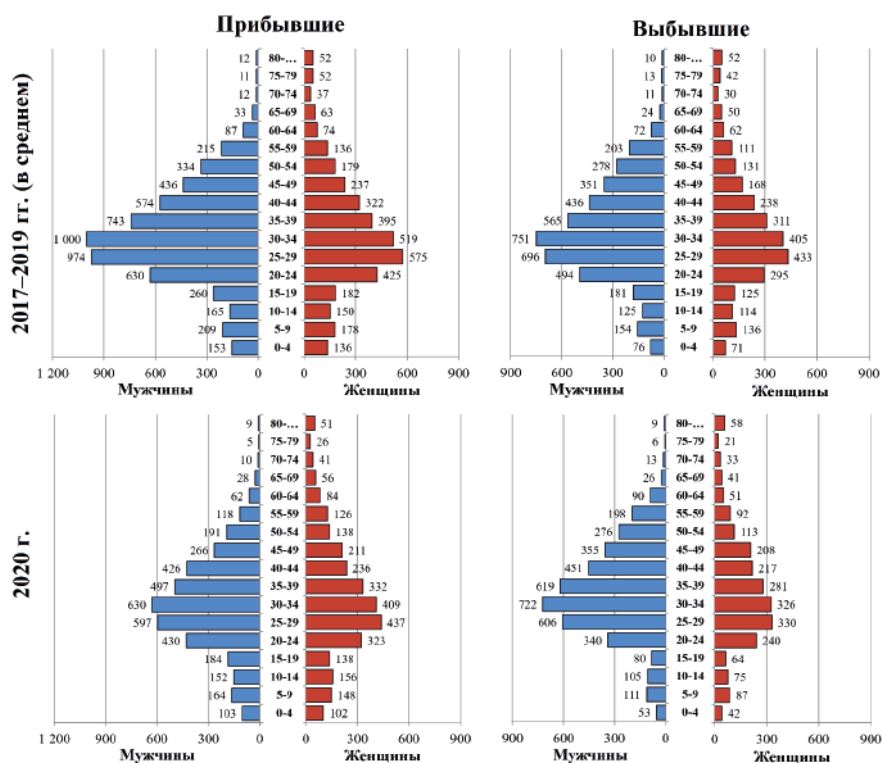

Рис. 5. Половозрастной состав международных мигрантов российской Арктики, 2017–2019 и 2020 гг.

Fig 5. Age and sex composition of international migrants in the Russian Arctic, 2017–2019 and 2020

Источник: составлено авторами на основе данных Росстата²⁰

¹⁹ Статистические сведения по миграционной ситуации // Министерство внутренних дел Российской Федерации. URL: <https://мвд.пф/dejatelnost/statistics/migracionnaya> (дата обращения: 22.01.2022).

²⁰ База данных показателей муниципальных образований // Федеральная служба государственной статистики (Росстат). URL: <https://www.gks.ru/dbscripts/munst/> (дата обращения: 22.01.2022).

Заключение

Проведенный анализ позволил оценить масштабы международной миграции в российской Арктике и выявить основные изменения, к которым привела пандемия коронавирусной инфекции COVID-19. Международные миграционные потоки в Арктической зоне Российской Федерации продемонстрировали высокую устойчивость в отдаленных регионах, где ротация работников является фактором жизнестойкости поселений. В то же время в близких к центрам расселения западных частях российской Арктики миграционная подвижность сократилась примерно на четверть. Выявленные закономерности миграционного движения могут использоваться при построении демографических прогнозов и разработке мер социально-демографической политики.

Результаты показывают ожидаемые изменения в человеческом и трудовом потенциале арктических территорий в условиях пандемии. Для российской Арктики зачастую характерны те же проблемы трудовых мигрантов, что и для других регионов России [18]. Однако, по крайней мере, в некоторых отношениях арктические регионы имеют преимущества. Например, в связи с низкой стоимостью недвижимости в городах, которые столкнулись с оттоком постоянного населения, у мигрантов больше возможностей для покупки жилья. Кроме того, добывающая сфера является стабильным источником доходов, привлекая работников, в том числе занятых вахтовым методом. Поэтому в условиях долгосрочного сокращения численности населения российской Арктики, можно ожидать, что международная миграция останется важным источником формирования трудовых ресурсов.

Список литературы

1. Фаузер В. В., Смирнов А. В. Миграции населения российской Арктики: модели, маршруты, результаты // Арктика: экология и экономика. 2020. № 4 (40). С. 4–18. DOI: <https://doi.org/10.25283/2223-4594-2020-4-4-18>.
2. Пандемия COVID-19: Вызовы, последствия, противодействие / А. В. Торкунов, С. В. Рязанцев, В. К. Левашов [и др.]. – Москва: Издательство «Аспект Пресс», 2021. – 248 с. DOI: <https://doi.org/10.19181/monogr.978-5-7567-1139-4.2021>.
3. COVID-19 in the Arctic: Briefing Document for Senior Arctic Officials. Senior Arctic Officials' executive meeting, Iceland, 24–25 June 2020. Iceland: Arctic Council, 2020. 83 p. URL: <https://oaarchive.arctic-council.org/handle/11374/2473>.
4. Смирнов А. В. Население мировой Арктики: динамика численности и центры расселения // Арктика и Север. 2020. № 40. С. 270–290. DOI: <https://doi.org/10.37482/issn2221-2698.2020.40.270>.
5. Фаузер В. В., Лыткина Т. С. Миграционные процессы на российском Севере // Социальная политика и социология. 2017. Т. 16. № 1 (120). С. 141–149. DOI: <https://doi.org/10.17922/2071-3665-2017-16-1-141-149>.
6. Лыткина Т. С., Смирнов А. В. Вытеснение на Российском Севере: миграционные процессы и неолиберальная политика // Арктика и Север. 2019. № 37. С. 94–117. DOI: <https://doi.org/10.17238/issn2221-2698.2019.37.94>.
7. Heleniak T. Migration in the Arctic. In: Arctic Yearbook 2014. Human Capital in the North. Akureyri: Northern Research Forum, 2014. Pp. 82–104.
8. Hamilton L. C., Saito K., Loring P. A., Lammers R. B., Huntington H. P. Climigration? Population and Climate Change in Arctic Alaska. Population and Environment. 2016. Vol. 38. Pp. 115–133. DOI: <https://doi.org/10.1007/s11111-016-0259-6>.
9. Журавлев Н. Ю. Миграционное поведение студенчества северного города // ДЕМИС. Демографические исследования. 2021. Т. 1. № 2. С. 182–193. DOI: <https://doi.org/10.19181/demis.2021.1.2.14>.
10. Zamyatina N., Yashunsky A. Migration Cycles, Social Capital and Networks. A New Way to Look at Arctic Mobility. In: New Mobilities and Social Changes in Russia's Arctic Regions / ed. by Laruelle M. London and New York: Routledge, 2017. Pp. 59–84. DOI: <https://doi.org/10.4324/9781315640471>.

11. *Замятина Н. Ю., Пилясов А. Н.* Региональный консалтинг: приглашение к творчеству. Опыт разработки документов стратегического планирования регионального и муниципального уровня. – Санкт-Петербург: Маматов, 2017. – 196 с. ISBN: 978-5-91076-155-5.
12. *Jungsberg L., Copus A., Nilsson K., Weber R.* Demographic Change and Labour Market Challenges in Regions with Largescale Resource-based Industries in the Northern Periphery and Arctic. Stockholm: Nordregio, 2018. 42 p.
13. *Максимова А. С.* Генезисная структура населения России // ДЕМИС. Демографические исследования. 2021. Том 1. № 1. С. 31–37. DOI: <https://doi.org/10.19181/demis.2021.1.1.3>.
14. *Смирнов А. В.* Цифровое общество: теоретическая модель и российская действительность // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2021. № 1. С. 129–153. DOI: <https://doi.org/10.14515/monitoring.2021.1.1790>.
15. *Соколова Ф. Х.* Миграционные процессы в Российской Арктике // Арктика и Север. 2016. № 25. С. 158–172. DOI: <https://doi.org/10.17238/issn2221-2698.2016.25.158>.
16. *Petrov A. N., Welford M., Golosov N., DeGroot J., Degai T., Savelyev A.* Spatiotemporal Dynamics of the COVID-19 Pandemic in the Arctic: Early Data and Emerging Trends. International Journal of Circumpolar Health. 2020. Vol. 79. No. 1. Pp. 1–9. DOI: <https://doi.org/10.1080/22423982.2020.1835251>.
17. *Petrov A. N., Welford M., Golosov N., DeGroot J., Devlin M., Degai T., Savelyev A.* The “Second Wave” of the COVID-19 Pandemic in the Arctic: Regional and Temporal Dynamics. International Journal of Circumpolar Health. 2021. Vol. 80. No. 1. Pp. 1–12. DOI: <https://doi.org/10.1080/22423982.2021.1925446>.
18. *Рязанцев С. В., Письменная Е. Е.* Международная трудовая миграция в Россию // Международные процессы. 2019. Том 17. № 4 (59). С. 65–83. DOI: <https://doi.org/10.17994/IT.2019.17.4.59.5>.

Сведения об авторах:

Смирнов Андрей Владимирович, кандидат экономических наук, старший научный сотрудник Института социально-экономических и энергетических проблем Севера Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук, Сыктывкар, Россия.

Контактная информация: e-mail: av.smirnov.ru@gmail.com; ORCID ID: 0000-0001-6952-6834; РИНЦ Author ID: 761161; Scopus Author ID: 57206892878; Web of Science Researcher ID: N-8102-2017.

Лыткина Ульяна Владимировна, младший научный сотрудник Института языка литературы и истории Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук, Сыктывкар, Россия.

Контактная информация: e-mail: ulytkina@yandex.ru; ORCID ID: 0000-0002-4875-6929; РИНЦ Author ID: 1007383.

Благодарности и финансирование:

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (РНФ), проект № 21-78-00081 «Разработка инструментария для изучения демографических процессов в условиях цифровизации общества (на примере российской Арктики)».

Статья поступила в редакцию 07.12.2021; принята в печать 10.02.2022.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

INTERNATIONAL MIGRATION IN THE RUSSIAN ARCTIC: SCALE, STRUCTURE AND INFLUENCE OF THE PANDEMIC

Andrey V. Smirnov

Institute for Socio-Economic and Energy Problems of the North FRC KSC UB RAS, Syktyvkar, Russia

E-mail: av.smirnov.ru@gmail.com

Uliana V. Lytkina

Institute of Language, Literature and History FRC KSC UB RAS, Syktyvkar, Russia

E-mail: ulytkina@yandex.ru

For citation: Andrey V. Smirnov, Uliana V. Lytkina. International Migration in the Russian Arctic: Scale, Structure and Influence of the Pandemic. DEMIS. Demographic Research. 2022. Vol. 2. No 2. Pp. 90–106. DOI: <https://doi.org/10.19181/demis.2022.2.2.7>. EDN: ESNIMJ.

Abstract. The authors consider international migration in the Russian Arctic. The presence of a large-scale mining industry, a complex history of settlement and development, spatial and climatic features affect the migration processes in the Arctic. The study aims to assess the scale and structure of the international migration movement in the Arctic territories, as well as to identify changes caused by the COVID-19 coronavirus pandemic. The analysis is based on the results of population censuses, data from regional and municipal statistics, as well as information from digital databases on the incidence of coronavirus and migration. The article assesses the scale of international migration in the Arctic regions in the 20th – early 21st century. The genesis composition of the population showed that the significance of international migration is especially great for the Arctic territories in Western Siberia. The authors identified changes in the migration mobility of the population under the influence of the COVID-19 pandemic. An analysis of the age and sex composition of migrants and the main migration flows showed that by the end of 2020, the intensity of international migration in the Russian Arctic decreased insignificantly, and in the most remote parts it even increased. Municipal statistics made it possible to identify the most attractive destinations for international migration before and during the pandemic. In 2021, a larger decline in international migratory mobility can be expected. The results obtained can be used to conduct socio-demographic policy and build demographic forecasts for the Arctic territories. Future research should focus on examining the long-term effects of the pandemic on international migration.

Keywords: international migration, foreign workers, rotational work, pandemic, Russian Arctic.

References

1. Fauzer V. V., Smirnov A. V. Migration of the Russian Arctic Population: Models, Routes, Results. *Arctic: Ecology and Economy*. 2020. No. 4 (40). Pp. 4–18. DOI: <https://doi.org/10.25283/2223-4594-2020-4-4-18>. (In Russ.)
2. *Pandemiya COVID-19: Vyzovy, posledstviya, protivodeystviye [COVID-19 Pandemic: Challenges, Consequences, Countermeasures]* / A. V. Torkunov, S. V. Ryazantsev, V. K. Levashov [et al.]. Moscow: Aspect Press Publishing House, 2021. 248 p. DOI: <https://doi.org/10.19181/monogr.978-5-7567-1139-4.2021>. (In Russ.)
3. *COVID-19 in the Arctic: Briefing Document* for Senior Arctic Officials. Senior Arctic Officials' executive meeting, Iceland, 24–25 June 2020. Iceland: Arctic Council, 2020. 83 p. URL: <https://oaarchive.arctic-council.org/handle/11374/2473>.
4. Smirnov A. V. The Arctic Population: Dynamics and Centers of the Settlement System. *Arctic and North*. 2020. No. 40. Pp. 270–290. DOI: <https://doi.org/10.37482/issn2221-2698.2020.40.270>. (In Russ.)
5. Fauzer V. V., Lytkina T. S. Migration Processes in the Russian North. *Social policy and sociology*. 2017. Vol. 16. No. 1 (120). Pp. 141–149. DOI: <https://doi.org/10.17922/2071-3665-2017-16-1-141-149>. (In Russ.)
6. Lytkina T. S., Smirnov A. V. Expulsions in the Russian North: Migration Processes and Neoliberal Policy. *Arctic and North*. 2019. No. 37. Pp. 94–117. DOI: <https://doi.org/10.17238/issn2221-2698.2019.37.94>. (In Russ.)
7. Heleniak T. Migration in the Arctic. In: *Arctic Yearbook 2014. Human Capital in the North*. Akureyri: Northern Research Forum, 2014. Pp. 82–104.
8. Hamilton L. C., Saito K., Loring P. A., Lammers R. B., Huntington H. P. Climigration? Population and Climate Change in Arctic Alaska. *Population and Environment*. 2016. Vol. 38. Pp. 115–133. DOI: <https://doi.org/10.1007/s11111-016-0259-6>.
9. Zhuravlev N. Y. Migration Behavior of Students in a Northern Russia City. *DEMIS. Demographic Research*. 2021. Vol. 1. No. 2. Pp. 182–193. DOI: <https://doi.org/10.19181/demis.2021.1.2.14>. (In Russ.)
10. Zamyatina N., Yashunsky A. Migration Cycles, Social Capital and Networks. A New Way to Look at Arctic Mobility. In: *New Mobilities and Social Changes in Russia's Arctic Regions* / ed. by Laruelle M. London and New York: Routledge, 2017. Pp. 59–84. DOI: <https://doi.org/10.4324/9781315640471>.
11. Zamyatina N. Yu., Pilyasov A. N. *Regional Consulting: An Invitation to Creativity. Experience in the Development of Strategic Planning Documents at the Regional and Municipal Levels*. St. Petersburg: Mamatov, 2017. 196 p. ISBN: 978-5-91076-155-5. (In Russ.)
12. Jungsberg L., Copus A., Nilsson K., Weber R. Demographic Change and Labour Market Challenges in Regions with Largescale Resource-based Industries in the Northern Periphery and Arctic. Stockholm: Nordregio, 2018. 42 p.
13. Maksimova A. S. Genesis Structure of the Russian Population. *DEMIS. Demographic Research*. 2021. Vol. 1. No. 1. P. 31–37. DOI: <https://doi.org/10.19181/demis.2021.1.1.3>. (In Russ.)

14. Smirnov A. V. Digital Society: Theoretical Model and Russian Reality. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. 2021. No. 1. Pp. 129–153. DOI: <https://doi.org/10.14515/monitoring.2021.1.1790>. (In Russ.)

15. Sokolova F. H. Migration Processes in the Russian Arctic. *Arctic and North*. 2016. No. 25. Pp. 158–172. DOI: <https://doi.org/10.17238/issn2221-2698.2016.25.158>. (In Russ.)

16. Petrov A. N., Welford M., Golosov N., DeGroot J., Degai T., Savelyev A. Spatiotemporal Dynamics of the COVID-19 Pandemic in the Arctic: Early Data and Emerging Trends. *International Journal of Circumpolar Health*. 2020. Vol. 79. No. 1. Pp. 1–9. DOI: <https://doi.org/10.1080/22423982.2020.1835251>.

17. Petrov A. N., Welford M., Golosov N., DeGroot J., Devlin M., Degai T., Savelyev A. The “Second Wave” of the COVID-19 Pandemic in the Arctic: Regional and Temporal Dynamics. *International Journal of Circumpolar Health*. 2021. Vol. 80. No. 1. Pp. 1–12. DOI: <https://doi.org/10.1080/22423982.2021.1925446>.

18. Riazantsev S. V., Pismennaya E. E. International Labour Migration to Russia. *International Trends*. 2019. Vol. 17. No. 4 (59). Pp. 65–83. DOI: <https://doi.org/10.17994/IT.2019.17.4.59.5>. (In Russ.)

Bio note:

Andrey V. Smirnov, Candidate of Economic Sciences, Senior Researcher, Institute of Socio-Economic and Energy Problems of the North, Komi Science Center, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Syktyvkar, Russia.

Contact information: e-mail: av.smirnov.ru@gmail.com; ORCID ID: 0000-0001-6952-6834; RSCI Author ID: 761161; Scopus Author ID: 57206892878; Web of Science Researcher ID: N-8102-2017.

Uliana V. Lytkina, Junior Researcher, Institute of the Language of Literature and History, Komi Scientific Center, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Syktyvkar, Russia.

Contact information: e-mail: ulytkina@yandex.ru; ORCID ID: 0000-0002-4875-6929; RSCI Author ID: 1007383.

Acknowledgments and financing:

The reported study was funded by the Russian Science Foundation (RSF), Project No. 21-78-00081 “Development of tools for studying demographic processes in the context of digitalization of society (on the example of the Russian Arctic)”.

Received on 07.12.2021; accepted for publication on 10.02.2022.

The authors have read and approved the final manuscript.